
А. Д. ГРАЧ

ДРЕВНЕТЮРКСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ЗЕРКАЛОМ ЦИНЬ-ВАНА В ТУВЕ

В 1957 г. начала полевые работы Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии Академии наук СССР (ТКЭАН)¹. Археологические раскопки производились главным образом в Монгун-Тайге (Серебряные горы) — наиболее трудно достигаемом районе Тувы. Выбор точек для раскопок был определен данными разведывательных маршрутов, проведенных Саяно-Алтайской экспедицией Института этнографии АН СССР в 1953 и 1955 гг. на этой территории, являвшейся ранее «белым пятном» на археологической карте Тувы². Хронологический диапазон раскопанных памятников весьма велик — от древнетюркского времени до XVIII в. включительно.

Среди объектов, исследованных археологическим отрядом экспедиции во время полевого сезона 1957 г., особое место занимает курган знатного тюрка VII в. н. э.³ Этому объекту и посвящена настоящая публикация.

Общая характеристика кургана

Курган расположен в 7 км к западу от поселка Мугур-Аксы, на одной из платформ третьей надпойменной террасы левого берега р. Каргы (рис. 1). Этот участок с трех сторон имеет довольно крутые склоны, один из которых обрывается в сторону русла Каргы, а другой — в сторону русла пересыхающей р. Калбак-Тыктыг-Хем, берущей начало в отрогах хребта Цаган-Шибэту. Неподалеку от описываемого нами объекта, к северу от него, возвышается одна из самых высоких вершин хребта Цаган-Шибэту — гора Ак-Баштыг с живописным курумником, ниспадающим от вершины вниз в виде звезды (высота пика — 3253 м). Помимо раскопанного нами кургана, на этом же участке плато располагаются еще четыре простые каменные насыпи.

Обращает на себя внимание выбор места, на котором расположен курган, — с плато открывается величественная панорама долины Каргы,

¹ Экспедиция работала в следующем составе: начальник экспедиции и руководитель этнографического отряда Л. П. Потапов, заместитель начальника экспедиции и руководитель археологического отряда — А. Д. Грач; в работах, проводившихся археологическим отрядом в 1957 г., принимали участие младший научный сотрудник В. П. Дьяконова, производившая расчистку всех наиболее ответственных объектов, архитектор-художник Н. Г. Анипенко и бригада рабочих-землекопов — жителей Каргынского сумона Тувинской автономной области. Реставрация добытых при раскопках предметов проводилась в Ленинграде Т. С. Земсковой (металл и дерево) и В. А. Дудиной (китайские шелка).

² См. А. Д. Грач, Археологические исследования в западной Туве, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXIII, 1955, стр. 19—33; е го ж е, Обследование археологических памятников западной Тувы, «Уч. зап. Тувинского научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. II, Кызыл, 1954, стр. 155—157; е го ж е, Каменные изваяния западной Тувы (к вопросу о погребальном ритуале тугю), «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVI, стр. 402—412, рис. 1—9.

³ По экспедиционному шифру объект ТКЭАН/МТ-57-XXVI.

столь богатой тюркскими памятниками, вдали виднеются хребет Цаган-Шибэту и снежные пики хребта Чихачева.

Насыпь кургана округла в плане (диаметр насыпи — 7 м), имеет высоту 0,75 м; таким образом, курган не относится к числу больших погребальных сооружений. Сложена насыпь из валунов (они, очевидно, извлечены из русла Калбак-Тыктыг-Хема) и, частично, из обломков горных пород. Камни, образующие края кургана (полы насыпи), заметно ушли в грунт.

Рис. 1. Общий вид кургана

Курган раскопан на снос. При разборке насыпи, на глубине 0,3—0,35 м от высшей точки кургана, были обнаружены камни со следами обжига; между ними — пережженная земля. Камни и земля со следами воздействия огня были найдены не только под центром насыпи, но и шире: жженое пятно эллипсоидной формы тянулось в направлении с востока на запад. Отдельные, не столь компактные и менее мощные жженные пятна встречены также в северной и южной частях насыпи. Основное, центральное жженое пятно прослеживалось почти до линии горизонта — 0,65 м от высшей точки кургана. После полного снятия насыпи было зафиксировано, что полы насыпи покоятся в тонком гумусном слое (толщина его — 0,10 м). Далее идет слой глины (0,25 — 0,30 м), затем — крупная галька с известняком (0,15—0,20 м), а еще ниже — однородный мощный слой гальки с крупным песком (рис. 2).

Края могильной ямы прослеживались вследствие галечного грунта очень нечетко, и единственное, что сигнализировало о наличии погребения, — несколько более рыхлая структура гальки по оси восток — запад.

Полная расчистка погребения выявила следующее (рис. 3). Погребенный мужчина лежал в вытянутом положении на спине. Ориентация костяка — головой на восток. Череп, сильно поврежденный камнями, повернут лицевой частью в пол-оборота влево. Кости скелета сильно раздавлены тяжестью насыпи и галечной засыпки могильной ямы; некоторые совсем истлели и отсутствуют. Поверх костяка прослеживались почти полностью истлевшие остатки лиственных плах, которые вряд ли могут быть приняты за остатки гроба, а являлись скорее всего плахами перекрытия. Глубина залегания костяка — 1,95—1,85 м от высшей точки

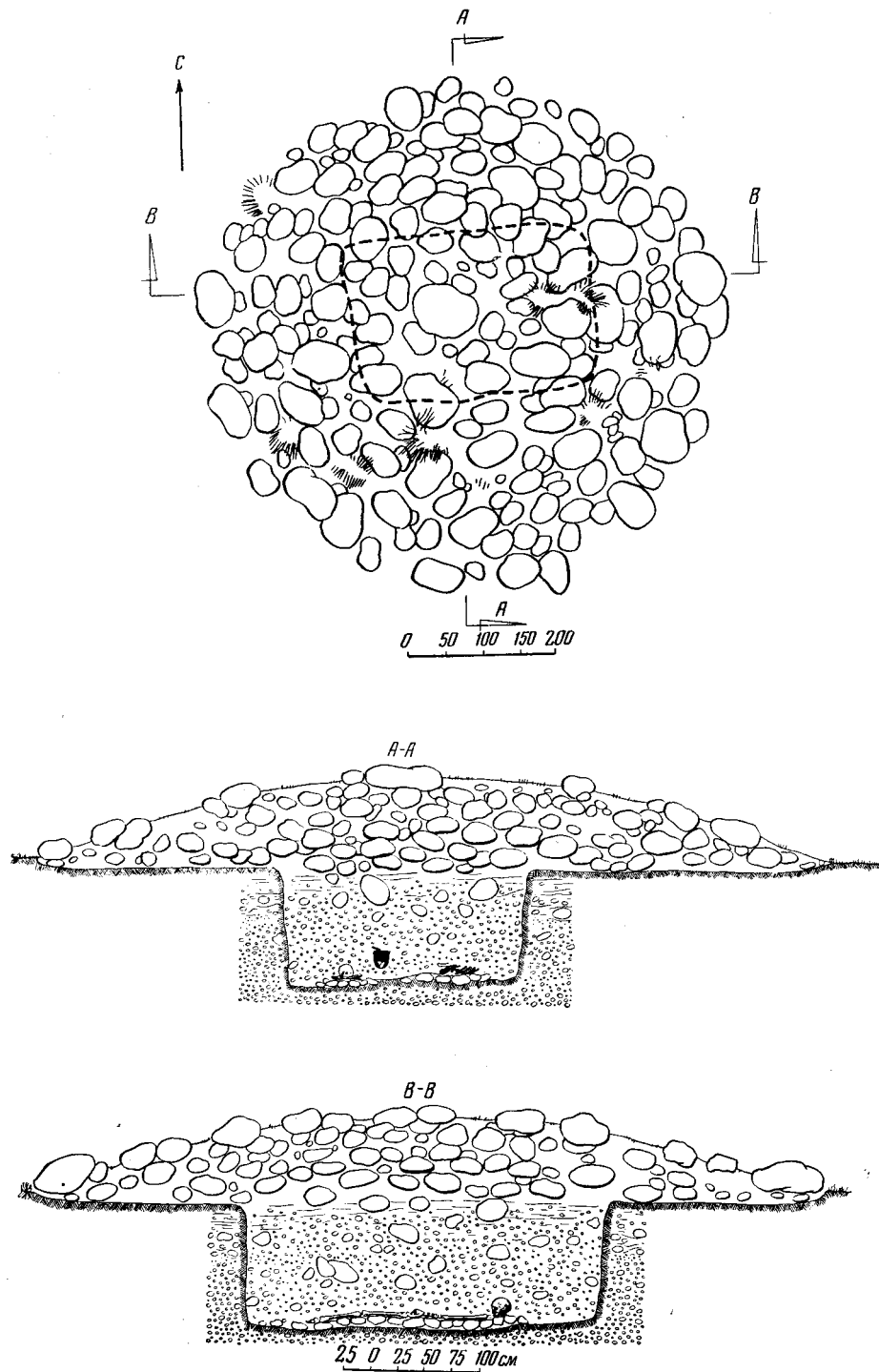

Рис. 2. План и разрезы кургана

кургана. Костяк покоился на продольно подостланных таловых жердочках (сохранились остатки таловой коры).

Несколько выше костяка человека по уровню залегания был расположен костяк лошади (глубина — 1,6—1,75 м от высшей точки кургана). Лошадь была положена в могилу на правом боку, с сильно подогнутыми ногами.

В погребении найден довольно богатый инвентарь. После снятия остатков лиственничных плах на груди погребенного обнаружено значительное количество хорошо сохранившегося китайского шелка, располагавшегося несколькими слоями. Справа у головы лежало металлическое китайское зеркало в шелковом мешочке, где находились также деревянный гребень, стрела и шелковый платок. Зеркало лежало вниз лицевой, т. е. отражающей, стороной. У восточного края могильной ямы находился железный котел, сильно раздавленный галечной засыпкой и камнями. В котле обнаружен железный кинжал. Возле котла найдено тесло. Неподдалеку от восточного борта могильной ямы обнаружены два лежащих отдельно друг от друга глиняных предмета, напоминающих пряслица.

Богатым убором был снабжен и похороненный вместе с человеком конь. Прежде всего следует отметить десять золотых наременных блях, расположенных по изогнутой линии вдоль всего костяка коня и являвшихся украшением сбруйного ремня, положенного поверх конского трупа (один фрагмент этого ремня уцелел). Над холкой коня нами отмечены следы полностью истлевшего деревянного седла. При конском костяке обнаружены две бляхи от ремней подпруги, пара стремян и удила. Судя по положению удил *in situ*, при погребении они не находились в зубах коня, а были вместе с уздой положены возле гривы. Следует еще упомянуть о находке возле его задних конечностей костяной застежки для пут.

Упомянем вкратце об антропологической характеристике погребенного⁴. Возраст его был, по-видимому, около 30 лет. Череп довольно грацилен и имеет следы сильной латеральной деформации. В отношении расовой диагностики следует указать, что даже при визуальном осмотре черепа обращает на себя внимание преобладание резко выраженных европеоидных черт (выступающий нос и отсутствие уплощенности лица).

Инвентарь

Обнаруженный в погребении инвентарь хорошо датируется и имеет ряд надежных аналогий среди предметов, широко распространенных в древнетюркское время в кочевническом мире Центральной Азии и Южной Сибири. Не касаясь пока китайских вещей (зеркало и шелка, найденные в могиле), остановимся на характеристике предметов местного производства.

Вместе с покойным в могилу был помещен железный котел с круглым дном (рис. 4). Края котла закреплены широкой железной полосой. Подобные котлы изготовлялись древнетюркскими кузнецами из отдельных листов железа путем клепки с последующей расчеканкой швов⁵. Наш котел относится к одному из двух типов древнетюркских котлов — он круглый, подвесной (в древнетюркское время бытовали еще котлы с ножкой-поддоном)⁶.

⁴ Предварительное определение произведено антропологами В. П. Алексеевым и И. И. Гохманом, которым я приношу свою искреннюю признательность. В. П. Алексеев готовит в настоящее время полную публикацию антропологических материалов из раскопок археологического отряда ТКЭАН 1957 г. Череп человека, обнаруженный в описываемом кургане, передан для создания скульптурной реконструкции д-ру исторических наук М. М. Герасимову, в лабораторию пластической реконструкции Ин-та этнографии АН СССР.

⁵ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1950, стр. 522, 539.

⁶ Там же, стр. 522, табл. I, 23.

Кинжал, обнаруженный в котле, имеет широкое лезвие (рис. 5,а). На череновой его части сохранились остатки дерева от ручки.

Не вполне понятно назначение двух округлых глиняных предметов с отверстием посередине; не исключена возможность, что они представляли собой прясла.

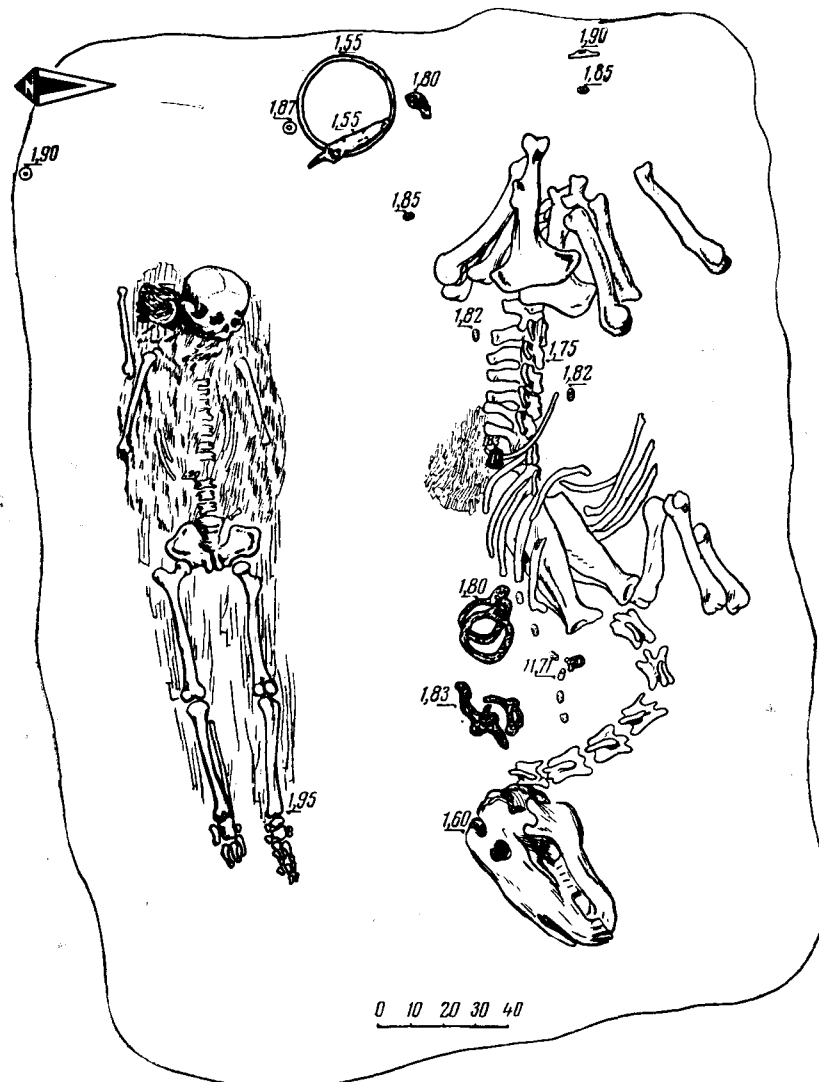

Рис. 3. План погребения

Найденное возле котла кельтовидное тесло (рис. 5,б) принадлежит к числу универсальных орудий; оно имело самое широкое распространение в древности⁷ и бытует у ряда народов Саяно-Алтая — тувинцев, алтайцев, хакасов — и в наши дни (у тувинцев оно носит название «көржек»).

⁷ См. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г., «Труды Гос. историч. музея», т. XIII, М., 1936, рис. 20, 69; В. П. Левашева, Два могильника кыргыз-хакасов, «Материалы и исследования по археологии СССР», 12, М., 1952, рис. 1, 34, 35; С. А. Теплоухов, Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1927, табл. II, 39.

Деревянный гребень (рис. 5, в), найденный в шелковом мешочке-футляре вместе с зеркалом, имеет берестяную обкладку по верхней части.

Стремена (рис. 5, г), найденные возле скелета коня, имеют так называемую пластинчатую дужку с вырезом для ремня и довольно широкую опорную часть с выпуклым рубцом-выступом по внешней стороне. Судя по разному разгибу дужек, в могилу были положены непарные, но совершенно идентичные по типу стремяна⁸. Они принадлежат к хорошо известному и надежно датированному типу древнетюркских стремян, синхронных танскому времени Китая и имевших самое широкое распространение в кочевом мире Южной Сибири⁹, Монголии¹⁰, а также в Средней Азии¹¹.

Определение удил (рис. 5, е), найденных в погребении, также не представляет большого труда — они двусоставные и снабжены массивными эсовидными псалиями. Концы псалий расплющены (раскованы), и им придана крыловидная форма. Такие удила встречены среди многих древнетюркских памятников VII—VIII вв. в Южной Сибири¹², а также в Монголии¹³.

Костяная застежка от пут (рис. 5, ж), имеющая в середине отверстие для продевания ремня, также относится к числу предметов, распространенных в древнетюркское время¹⁴ и сохранившихся до наших дней у народов Саяно-Алтая (современный тувинский термин — «кижэн тээги»).

Пряжки от седельных подпруг (рис. 5, д), найденные при костяке ло-

Рис. 4. Железный котел

⁸ Находка в могиле непарных стремян зафиксирована Л. А. Евтюховой при исследовании богатого тюркского погребения в Джаргаланты (Центральная Монголия). Л. А. Евтюхова отмечает также, что подобный факт иногда встречается и при исследовании могильных комплексов енисейских кыргызов. См.: Л. А. Евтюхова, О племенах Центральной Монголии в IX в. (По материалам раскопок курганов), «Сов. археология», 1957, № 2, стр. 216, рис. 7, 1, 2.

⁹ С. Руденко и А. Глухов, Могильник Кудыргэ на Алтае, «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, Л., 1927, рис. 16, 3, 5, 8; С. В. Киселев, Указ. раб., стр. 516—519, табл. L, 22; Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Указ. раб., стр. 110, рис. 48; С. А. Теплоухов, Указ. раб., стр. 55, табл. II, 38; Л. Евтюхова и С. Киселев, Чаа-гас у с. Копены, Труды Гос. Историч. музея, т. XI, стр. 40 сл., рис. 37, 43; В. П. Левашева, Указ. раб., рис. 1, 39, 42, 43.

¹⁰ Г. И. Боровка, Археологическое обследование среднего течения р. Толы, Сб. «Северная Монголия», т. II, Л., 1927, стр. 73, рис. 6, табл. IV, 38, 39.

¹¹ А. Н. Бернштам, Основные этапы развития культуры Семиречья и Тянь-Шаня, «Сов. археология», XI, 1949, рис. 122.

¹² С. В. Киселев, Указ. раб., стр. 519; Л. А. Евтюхова, Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948, стр. 56, 58, рис. 95, 103; В. П. Левашева, Указ. раб., стр. 126, рис. 5, 43.

¹³ Г. И. Боровка, Указ. раб., табл. IV, 35.

¹⁴ С. В. Киселев, Указ. раб., табл. XLVIII; С. Руденко и А. Глухов, Указ. раб., рис. 10, 6; Л. А. Евтюхова, Археологические памятники енисейских кыргызов, рис. 116; С. А. Теплоухов, Указ. раб., табл. II, 44; В. П. Левашева, Указ. раб., рис. 5, 48; Л. А. Евтюхова, О племенах Центральной Монголии в IX в., рис. 14, 10, 11.

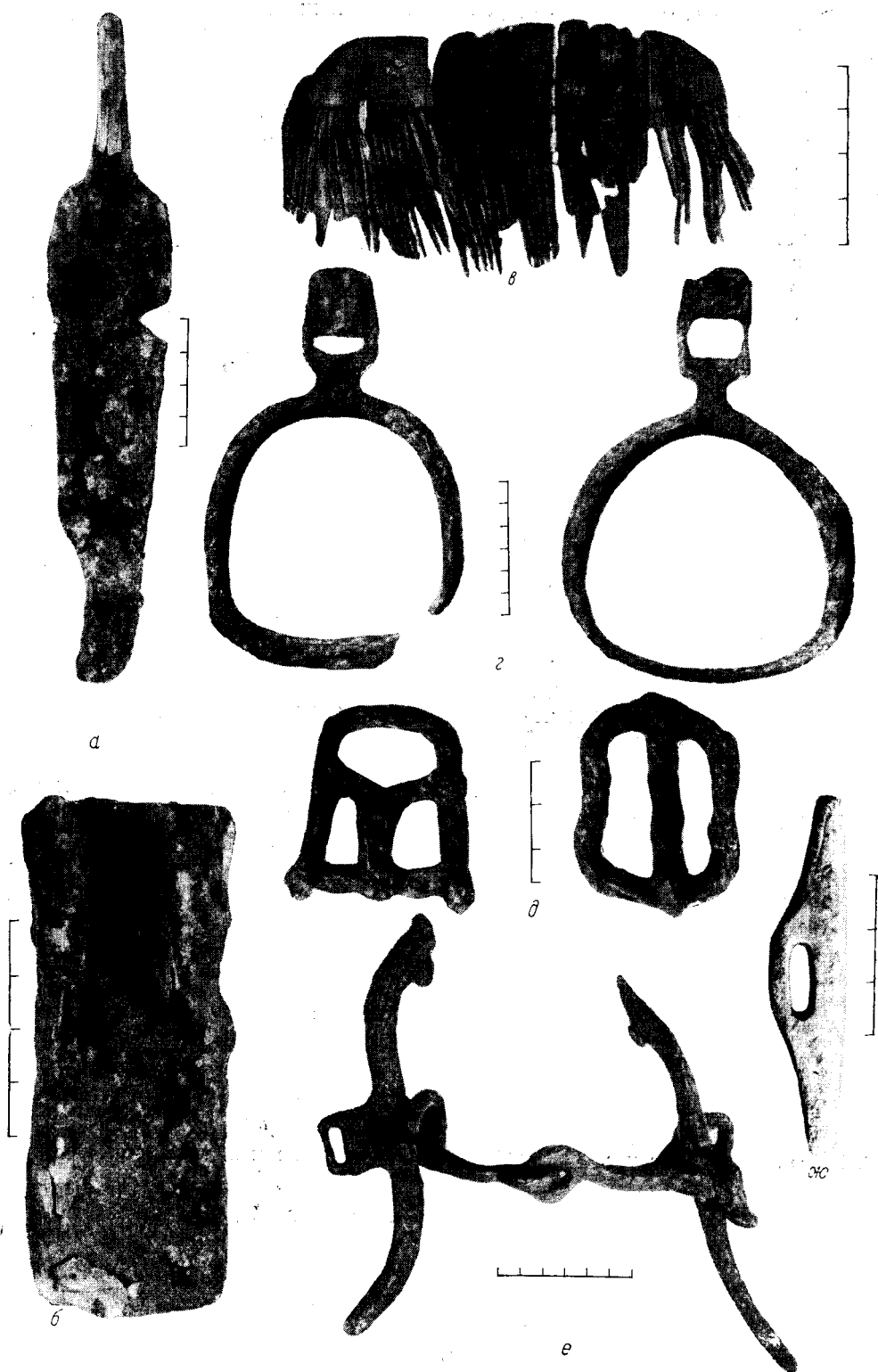

Рис. 5. Инвентарь из погребения: *а* — кинжал; *б* — кельтовидное долото; *в* — деревянный гребень; *г* — стремена; *д* — подпружные пряжки; *е* — удила; *ж* — застежка от пут

шади, снабжены свободно вращавшимся язычком и также обычны для погребений древнетюркского времени¹⁵.

Десять золотых бляшек (рис. 6), являвшихся частью конского убора, изготовлены из высокопробного золота. Способ их изготовления можно установить с полной достоверностью. Это тонкие раскованные листики золота, причем расковывание, по-видимому, производилось на медном шаблоне, о чем свидетельствуют следы окиси меди на внутренней стороне бляшек. Перед расковкой и придачей бляшкам необходимой формы края вырезанного по размеру золотого листика загибались внутрь. Девять из десяти обнаруженных на скелете коня блях имеют листовидную форму и идентичны друг другу. По центру каждой из этих блях идет выпуклая полоска. Одна бляха (десятая) — концевая, она короче и меньше остальных.

Способ крепления блях на ремне также можно определить. Они были укреплены на кожаных основах ремня при помощи медных скреп в комбинации с креплением нитками или сухожилиями.

Аналогичные нашим бляшкам украшения были обнаружены С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой при раскопках одного из курганов в урочище Туяхта на Алтае (курган № 4, в котором, наряду с другим инвентарем, обнаружен серебряный сосуд с древнетюркской рунической надписью)¹⁶. Несмотря на то, что алтайские прототипы наших бляшек изготовлены из серебра, идентичность этих предметов бляшкам из раскопанного нами кургана не оставляет сомнений. Материалы из древнетюркских курганов могильника Ту-

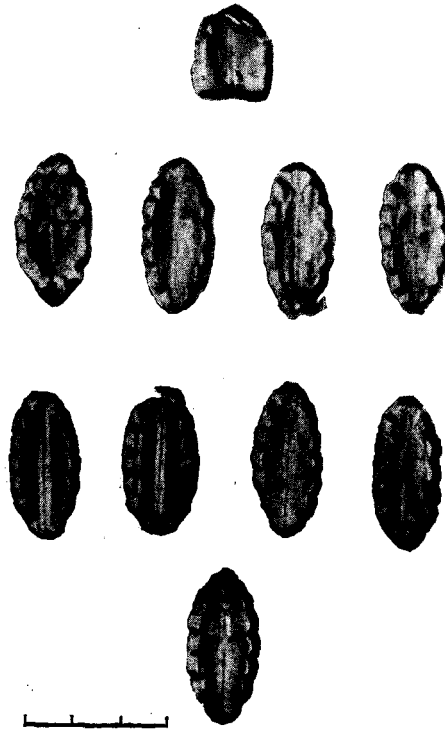

Рис. 6. Золотые бляшки конского убора

яхта, в том числе и упомянутые украшения, с полным основанием датируются С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой VII—VIII вв. н. э.¹⁷ Бронзовые прототипы наших бляшек найдены среди предметов конского убора и при раскопках уже упомянутого древнетюркского погребения в Джаргаланты (Монголия)¹⁸.

Резюмируя краткий обзор инвентаря из погребения знатного тюрка в Монгун-Тайге, подчеркнем, что аналогичные вещи датируются в основном VI—VIII вв. н. э. Таким образом, хронология погребения по собственным археологическим признакам не вызывает каких-либо сомнений. Однако может быть сделана попытка еще большей ее конкретизации — на основе историко-археологического анализа китайского зеркала и нанесенного на нем текста.

¹⁵ С. В. Киселев, Указ. раб., стр. 520, табл. XLVIII, 16; Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции, рис. 32; Л. А. Евтюхова, Археологические памятники енисейских кыргызов, рис. 45.

¹⁶ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции, стр. 113, рис. 68; С. В. Киселев, Указ. раб., стр. 540 и сл.

¹⁷ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции, стр. 114.

¹⁸ Л. А. Евтюхова, О племенах Центральной Монголии в IX в., стр. 215, рис. 5, 4—5.

Китайское зеркало и шелка́

Китайское зеркало, обнаруженное в погребении знатного тюрка в Монтун-Тайге, представляет большой интерес и является предметом незаурядного историко-археологического значения.

Как мы уже упоминали выше, зеркало было найдено с правой стороны возле черепа погребенного и лежало вместе с деревянным гребнем, стрелой и платком в мешочке, сшитом из тонкого китайского шелка (рис. 7).

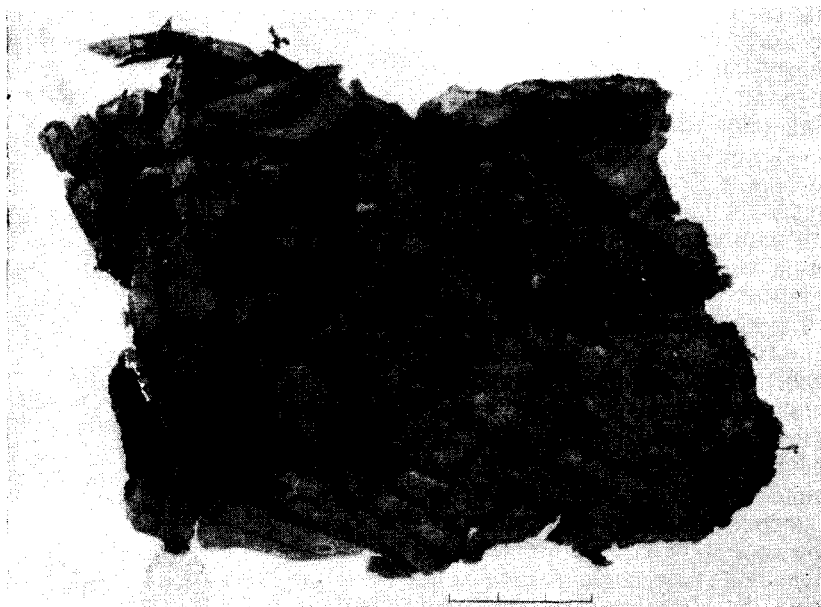

Рис. 7. Шелковый мешочек для зеркала (до реставрации)

Зеркало — дисковидное. В центре оборотной стороны — дужка полушаровидной формы (высота дужки — 0,6 см), с продетой шелковой завязкой, концы которой соединены двойным узлом; помимо этого, для прочности, чтобы полоска шелка не «скользила» и основной узел завязки не развязался, когда в нее будет продета рука смотрящегося в зеркало, на одном из концов завязки сделан еще один добавочный узел (рис. 8).

Отражающая поверхность зеркала отполирована, чуть заметно сферична; оборотная сторона зеркала ограничена закрайным бортиком, внешняя грань которого чуть вогнута внутрь (рис. 9). Вся оборотная поверхность зеркала как бы разделена мастером на четыре пояса. Первый (внешний) пояс — это орнаментальный бордюрок бортика зеркала, срезанного под тупым углом к центру. Бордюрок состоит из двух орнаментальных рядов, помещенных друг над другом и состоящих из сомкнутых зубцов. Угол зубцов верхнего ряда — более тупой, чем нижнего. Поэтому количество зубцов, составляющих каждый ряд, неодинаково: в верхнем ряду их 100, в нижнем — 136.

Далее следует пояс с китайской надписью. Надпись эта, дешифрованная Р. Ф. Итсом¹⁹ (с ней ознакомились также китаеведы В. С. Колоколов, Б. И. Панкратов и Лян Си-янь), состоит из двадцати иероглифов и представляет собой четверостишие. Согласно дешифровке Р. Ф. Итса текст гласит следующее:

¹⁹ См. ниже статью Р. Ф. Итса «О надписи на китайском зеркале из Тувы». — *Ред.*

Рис. 8. Китайское зеркало с шелковой завязкой

Рис. 9. Китайское зеркало (завязка временно удалена)

Получив пожалованное зеркало Цинь-вана,
 Решительно не жалея никаких затрат,
 Не затем, чтобы вознамериться [с помощью зеркала]
     проверять помыслы других людей,
 А исключительно для того, чтобы постигнуть свою
     собственную сущность.

Абсолютное большинство иероглифов четко различимо. Лишь два иероглифа из двадцати отпечатались в металле несколько расплывчато; это следует отнести за счет недочетов штамповки. Полоса поверхности, на которой нанесены иероглифы, отделена от центра небольшим бортиком, в миниатюре повторяющим закраинный бортик — так же срезана внутрь его внешняя, обращенная к надписи сторона, таков же характер орнамента. Обратим, однако, внимание и на некоторые детали, отличающие оба бортика друг от друга: по верхней грани малого бортика проведен желобок, а орнаментальные ряды помещены один над другим в обратном порядке — сверху ряд зубцов с более острым углом, чем у зубцов нижнего ряда.

В центральной части расположен четвертый пояс, украшенный прекрасно исполненными рельефными изображениями распластанных в стремительном движении так называемых «собаковидных морских коней». Эти фигуры исполнены с большим художественным мастерством. Очень тонко отражены резцом мастера мельчайшие детали тела животных. По стилю все четыре фигуры похожи одна на другую, и в то же время они разные — индивидуальный характер каждой фигуры подчеркнут художником главным образом в посадке головы. Животные изображены художником на фоне завитков, которые, по терминологии М. П. Лавровой, относятся к типу «облачного» орнамента²⁰ (изображают облака). По расшифровке, предложенной Ф. Хиртом, элементы этого орнамента, имеющие форму запятой, соответствуют древнему иероглифическому изображению термина «облако»²¹.

Все изображения, нанесенные на оборотной стороне нашего зеркала, выполнены с чувством взаимной гармонии отдельных элементов.

Зеркало отлито в форме. Судя по тому, что местами заметны следы изношенности формы — а это не могло не сказаться на отливке, — наше зеркало является одним из экземпляров отлитых в этой форме зеркал²². Вообще же, судя по состоянию предмета, он был положен в могилу еще новым: весьма незначительные следы механических повреждений имеются лишь по краю внешнего бортика зеркала; есть также небольшая трещина, заметная главным образом на отражающей стороне зеркала. Последнее обстоятельство могло быть связано с намеренной «порчей» предмета при помещении его в погребение.

После отливки в форме зеркало было покрыто белым металлом, слой которого на отражающей стороне зеркала, а также на оборотной стороне (главным образом там, где поверхность соприкасалась с шелковой завязкой) от времени дал несколько вздутий. При изготовлении зеркала отражающая сторона была прекрасно отшлифована; она и сейчас, после того как зеркало около 1300 лет пролежало под курганом, хорошо отражает изображение.

В Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры АН СССР зеркало было подвергнуто качественному спектральному анализу на спектрографе НСП-22, дуговым методом, при силе тока 7—8 ампер (работа велась под руководством С. И. Руденко и И. В. Богдановой-Березовской). Для выяснения характера покрытия

²⁰ М. Лаврова, Китайские зеркала ханьского времени (из собрания Русского музея), «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 1, Л., 1927, стр. 6.

²¹ Цит. по указ. раб. М. Лавровой, см. стр. 6.

²² На это обстоятельство обратил мое внимание М. П. Грязнов.

зеркала был произведен дополнительный анализ искровым методом с поверхности (№№ в таблице $\frac{1459a}{T-3}$ и $\frac{14596}{T-3}$).

Результаты проведенных анализов в предварительном варианте сводятся к следующему:

Шифр лаборатории	1459	1459a	14596
Элемент	T-3 (проба)	T-3 (искра с поверхности)	T-3 (искра со шлифа)
Cu	1	2	2
Pb	3	4—5	4
Sn	2—3	2	2
Fe	4—5	5	5
Zn	4	—	—
Ag	4—3	4	4
Sb	5,5	—	—
Bi	4—3	5	5
Mg	5	5,5	5,5
Si	5	—	—
Al	4	5,5	5,5
Co	5,5	—	—
As	5	—	—
Mn	5,5	—	—
Ca	5,5	—	—
Ni	5	—	—

Условные обозначения: 1 — основа, 2 — очень много, 3 — много, 4 — мало, 5 — очень мало, 5,5 — следы.

Говоря о датировке зеркала из Монгун-Тайги, нельзя не упомянуть о том, что хронология древних китайских зеркал еще не разработана достаточно детально, а предпринятые различными исследователями попытки отнюдь не охватывают вопрос во всей его сложности. Предварительное изучение нашего зеркала говорит о том, что в нем объединены как черты художественных стилей, характерных для ханьского времени²³, так и особенности, присущие танскому искусству. Черты, характерные для ханьских зеркал, особенно ярко прослеживаются в орнаментальной трактовке внутренней стороны — обоих бортиков зеркала (ряды зубчатого орнамента). То же можно, пожалуй, сказать и в отношении «облачного» орнамента. Что же касается рельефных изображений животных, то здесь налицо традиция, более характерная для танских зеркал. Следует заметить, что в танское время в изготовлении художественно оформленных зеркал наступили заметные изменения — отказ от характерной для оформления ханьских зеркал строгости и переход к манере, отличающейся большей экспрессией, затейливостью, пышностью. Особенно это присуще зеркалам типа «виноградник», где затейливость изображений доведена

²³ Интересная коллекция ханьских зеркал хранится в Гос. Эрмитаже. См. также М. Лаврова, Указ. раб., стр. 1—14; I. E. Lodge, A Descriptive and illustrative catalogue of Chinese bronzes (compiled by the staff of the Freer Gallery of Art), Washington, 1946, стр. 65 (табл. 36), стр. 72 сл. (табл. 38), стр. 74—77 (табл. 39), стр. 78—85 (табл. 40). Весьма примечательны в интересующем нас плане зеркала ханьского и танского времени, экспонированные на выставке «Культура и искусство Китая» в Гос. Эрмитаже.

до предела; одно из таких зеркал было найдено в древнетюркском могильнике в районе Джаргаланты²⁴.

Наше зеркало относится к танскому времени, чему не противоречит и наличие найденного вместе с ним древнетюркского инвентаря, синхронного Танской династии Китая. Однако имеются основания говорить об известной его архаичности применительно к танскому времени.

Китайские металлические зеркала представляли собой очень большую ценность у кочевников Центральной Азии и Южной Сибири. Не говоря уже о высокохудожественных китайских зеркалах, ценились и довольно примитивные образцы массовой продукции. Бережно сохранялись не только целые экземпляры, но и обломки зеркал — об этом говорят находки в богатых погребениях Монголии (Наинтэ-Сумэ)²⁵ и Алтая (Курай III, курган № 2)²⁶. В древней Хакассии обломки зеркал превращались в амулеты²⁷. находка из кургана в Монгун-Тайге является первым китайским зеркалом, обнаруженным в Туве.

Остановимся на краткой характеристике обнаруженных при погребенном многочисленных остатков китайских шелковых тканей²⁸. Реставрация этих тканей показала, что они являются остатками шелковых одежд, свернутых и положенных на грудь покойника. По типу своему ткани относятся к камчатым и сходны с некоторыми образцами тканей, обнаруженными на горе Муг и датированными VII—VIII вв. н. э. По мнению специалистов, осмотревших ткани, они, так же как и шелка с горы Муг, безусловно китайского происхождения и относятся к танскому времени.

Реставрация тканей позволила установить, что они представляют собой остатки нескольких одежд (по-видимому, кафтан и две рубахи). Сохранилось большое количество швов. Очень интересен фрагмент плечевой части одежды, причем сохранившаяся цветность ткани позволяет судить о том, что спина была сшита из синего шелка, а грудь — из золотисто-желтого. Есть все основания полагать, что шелковые одежды, остатки которых были найдены в кургане в Монгун-Тайге, сшиты на месте, а не в Китае.

Китайские шелковые ткани являлись дорогим и излюбленным материалом для одеяний знати центральноазиатских тюрков. Династийные хроники пестрят сообщениями о тех астрономических для своего времени количествах «кусков» шелковых тканей, которые доставлялись из Китая в качестве даров центральноазиатской кочевой аристократии — количество подносимых «кусков» тканей достигало порой десятков тысяч²⁹. Иногда ткани отправлялись в Центральную Азию не только в виде даров, но и как вспомоществование к похоронам. Так, когда умер каган Шиби, император Гао-цзу повелел отвезти к похоронам 30 тыс. кусков шелковых тканей³⁰.

²⁴ Л. А. Евтюхова, О племенах Центральной Монголии, стр. 209 сл., рис. 2, 3, 4, 1; см. также: М. Лаврова, Указ. раб., стр. 13—14, рис. 11.

²⁵ Г. И. Боровка, Указ. раб., стр. 74, рис. 6, 12, табл. IV, 1.

²⁶ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, О работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции, рис. 27, 34; С. В. Киселев, Указ. раб., стр. 542 сл., табл. I, 7.

²⁷ В. П. Левашева, Ремесло в древнехакасском государстве, «Зап. Хакасского научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. 1 (история, этнография, археология), Абакан, 1948, стр. 48. О китайских зеркалах с надписями, обнаруженных на территории Минусинской котловины, см. Э. Р. Рыгдылон, Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Енисея, «Эпиграфика Востока», V, 1951, стр. 116—120, рис. 4—9. Богатым собранием древних китайских зеркал располагает Минусинский музей.

²⁸ Пользуюсь случаем, чтобы выразить сотрудникам Гос. Эрмитажа А. С. Верховской, М. А. Винокуровой, Е. М. Лубо-Лесниченко искреннюю признательность за консультацию при определении тканей.

²⁹ См. Н. Я. Бичурип (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, Изд. АН СССР, т. I, М.—Л., 1950, стр. 233, 239, 243 и др.

³⁰ Там же, стр. 246.

Вопросы историко-археологической трактовки памятника

При разборе и комментировании надписи на зеркале, перевод которой дан выше, могут быть выдвинуты три основных вопроса: кто упомянут в надписи под именем «Цинь-ван», когда зеркало могло быть подарено и, наконец, каким образом зеркало попало в руки тюрка, под курганом которого оно было найдено?

Отправным пунктом при выяснении исторического смысла надписи, естественно, является вопрос о том, кто упомянут в тексте под именем «Цинь-ван». Этот вопрос оказался очень сложным.

В процессе исторического анализа текста на зеркале в отношении имени «Цинь-ван» были выдвинуты две взаимоисключающие точки зрения.

1. Выдвинутая нами гипотеза предусматривала отождествление этого имени с Цинь-ваном (Тай-цзуном) — выдающимся полководцем и государственным деятелем древнего Китая, императором Танской династии. При этом я основывался не только на переводе надписи, сделанном Р. Ф. Итсом: такое отождествление базировалось также и на учете некоторых весьма важных событий политической истории Центральной Азии первой трети VII в. н. э.

2. Видные специалисты-китаеведы проф. В. С. Колоколов и Б. И. Панкратов, осмотревшие зеркало и надпись на нем, признали правильным перевод Р. Ф. Итса и наличие в тексте имени «Цинь-ван». Но они считают, что это имя ни в коем случае не следует отождествлять с именем Цинь-вана — Тай-цзуна, а следует связать его скорее всего с именем Цинь Ши-хуанди, императора династии Цинь, правившей с 246 по 209 г. до н. э. Дата же создания зеркала по некоторым палеографическим данным определена ими VIII—X вв. н. э.

Одним из их основных аргументов в пользу того, что в тексте упоминается не Цинь-ван (Тай-цзун), а именно Цинь Ши-хуанди, послужило следующее обстоятельство. По данным китайских энциклопедий, при дворе Цинь Ши-хуанди в Сяньяне имелось большое зеркало, в которое император заставлял смотреться служивших при дворе, и в случае, если смотревшийся в зеркало придворный при этом вздрагивал, его казнили.

Однако нельзя не учесть некоторых моментов, противоречащих второй гипотезе: во-первых, Цинь Ши-хуанди жил и правил без малого за девять столетий до того времени, к которому относится раскопанный нами древнетюркский памятник; во-вторых, если бы в тексте был упомянут Цинь Ши-хуанди, то, надо полагать, имелся бы и соответствующий нюанс (в том месте, где говорится о «пожалованном зеркале Цинь-вана»); это позволило бы считать, что речь идет именно о зеркале, подобном легендарному зеркалу Цинь Ши-хуанди; в-третьих, хотя зеркало при дворе Цинь Ши-хуанди и получило большую известность, этот факт вовсе не был исходной точкой древних представлений китайцев о магической роли зеркал, а, напротив, сам был выражением этого весьма широкого и древнего круга представлений, о котором будет сказано ниже.

Внести окончательную ясность в вопрос о том, кто упомянут в тексте под именем Цинь-вана, помогло изучение Р. Ф. Итсом материала старинных китайских каталогов: каталога сунокого ученого Хуан Чжан-жуя (XI в.) «Альбом древностей» и произведения цинского автора Фэн Юньпэна (XIX в.) «Каталог металлических и каменных предметам». В обоих этих источниках Р. Ф. Итсом были найдены аналогии нашему зеркалу, датированные временем «танского Цинь-вана»³¹. Материалы, приведенные в упомянутых китайских источниках, вряд ли позволяют сомневаться в том, что в надписи на зеркале, найденном в могиле древнего знатного тюрка, упомянут именно Цинь-ван (Тай-цзун).

³¹ Подробнее см. ниже, в статье Р. Ф. Итса.

Чтобы продолжить изложение собственно исторического анализа текста и чтобы была более понятна его суть, выраженная несколько аллегорически, необходимо напомнить об основных моментах древних китайских представлений, связанных с зеркалами.

Способность гладкой зеркальной поверхности отражать находящееся перед ней изображение воспринималась как нечто сверхъестественное, магическое. То, что изображение точно передавалось на поверхности зеркала, породило представления о чудодейственности, свойственной зеркалу. Зеркало стало символом и синонимом верности человека, «контролером» чистоты его моральных устоев. Оно имело у китайцев и более конкретизированные значения: «змея, свернувшаяся в зеркале» — предсказание близкой смерти, «разбитое зеркало» — расставание супругов, «поднести подставку под зеркало» — просить себе девушку в жены³². Главное же значение зеркала — синоним достойного и верного человека — с глубокой древности бытовало в Китае. В этом отношении можно еще раз вспомнить о зеркале Цинь Ши-хуанди, который заставлял своих придворных смотреться в него, стремясь выяснить их затаенные помыслы.

В весьма яркой форме выразил этот комплекс представлений о зеркале не кто иной, как «танский Цинь-ван». Произошло это при следующих обстоятельствах. Когда в 643 г. скончался видный китайский ученый Вэй Чжэн, бывший главным составителем истории династии Суй (Суй-шу) и воспитателем наследника престола, Тай-цзун, судя по всему очень ценивший этого человека, приказал похоронить его на царском кладбище, а перед гробом повелел идти придворному оркестру с царскими регалиями. Жена Вэй Чжэна, памятуя скромность своего мужа, отклонила эти почести, и гроб везли на простой телеге. Отдавая дань памяти Вэй Чжэна, Тай-цзун, обращаясь к своим сановникам, сказал: «Люди, смотрясь в зеркало, поправляют одеяние на себе; в зеркале древности усматривают возвышение и падение царств, в зеркале человека видят свои совершенства и недостатки. С потерей Вэй-Чжэна я лишился зеркала»³³.

Если учесть приведенные сведения о древних китайских представлениях, связанных с зеркалом, то значение во многом аллегорических строф текста на зеркале можно суммировать следующим образом: 1) зеркало, найденное в горах Монгун-Тайги, явилось даром, сделанным от лица Цинь-вана, а может быть, и поднесенным им самим; 2) оно было подарено лицу, верность которого была вне сомнений³⁴; 3) получив зеркало, его владелец обязывался верно служить Цинь-вану.

Очень важен вопрос о том, когда зеркало могло быть изготовлено и подарено его обладателю. Здесь, как мне кажется, надо иметь в виду следующее: если бы зеркало было подарено во время царствования Цинь-вана (627—649 гг.), то в надписи, по всей вероятности, должен был бы фигурировать девиз его правления — Чжен-гуань. Если зеркало было бы поднесено после его смерти, то в надписи должно было бы значиться имя, присвоенное императору после его кончины, — Тай-цзун. В свете этих соображений имя Цинь-ван в надписи на зеркале можно считать свидетельством того, что зеркало было изготовлено до 627 г., т. е. тогда, когда Цинь-ван официально считался еще наследником престола.

Но каким образом зеркало попало в руки знатного тюрка, под раскопанным курганом которого оно было найдено? По этому поводу могут возникнуть несколько версий: 1) зеркало было подарено тюрку китайцами; 2) оно было добыто во время одного из грабительских походов центральноазиатских тюрков на Китай и, таким образом, попало к его владельцу случайно; 3) зеркало было куплено или выменено; 4) зеркало передавалось из поколения в поколение и попало таким путем знатному тюрку.

³² М. Лаврова, Указ. раб., стр. 1.

³³ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений..., т. I, стр. 20.

³⁴ Сходную точку зрения высказывает Р. Ф. Итс, считая, что зеркало было подарено человеку не для проверки его честности.

Последние две версии, по нашему мнению, должны сразу же отпасть: третья — потому, что характер надписи явственно свидетельствует о том, что предмет этот не мог явиться объектом продажи или обмена, а четвертая — вследствие того, что изучение предмета показало, что он был положен в могилу новым и недолго находился в употреблении³⁵. Итак, остаются первая и вторая версии. Из них, как мне кажется, более реальна первая, потому что анализ надписи на зеркале и факт находки этого предмета именно в погребении богатого тюрка не только не идут в разрез с событиями политической истории Центральной Азии первой половины VII в., но, напротив, полностью согласуются с этими событиями. Учет этих событий при рассмотрении надписи на нашем зеркале поможет понять, почему этот подарок — зеркало из далекого Китая — мог попасть в руки знатного тюрка и очутиться под курганом в Монгун-Тайге.

С именем Цинь-вана (Тай-цзуна), соединившего в себе талант не только выдающегося полководца, но и тонкого политика и государственного деятеля, связаны решающие события борьбы танского Китая с могущественным каганатом восточных тюрков — тугю. В начале правления Танской династии государственный организм древнего Китая находился на грани краха. В дополнение к внутренним неурядицам следовали непрерывные удары из Центральной Азии, наносимые коварным владыкой центральноазиатских тюрков — каганом Хйели. Полчища кочевников опустошали китайские провинции. Кочевники вытапывали поля, разрушали города и селения, угоняли многие тысячи пленных китайцев в далекие горы и пустыни Центральной Азии. Именно к этому периоду относится начальный этап политической и военной деятельности Цинь-вана, которому суждено было сыграть важную роль в борьбе Китая с тюрками.

Предъявив императору Гао-цзу (отцу Цинь-вана) непомерные требования, которые тот не мог удовлетворить, Хйели-каган начал ежегодно совершать набеги на территорию Китая. Китайские войска потерпели от тюркской конницы ряд крупных поражений³⁶. В дополнение к прочим бедам в результате наводнения было нарушено нормальное снабжение продовольствием. Положение становилось все более напряженным.

К 624 г. относится знаменитый эпизод встречи тюркских и китайских войск на р. Ву-лунь-бань (транскрипция по Н. Я. Бичурину). Китайскими войсками предводительствовали Цинь-ван и князь Юань-ги. Цинь-ван проявил необычайное мужество и присутствие духа, взяв с собой лишь сотню конных воинов и явившись перед тюркскими войсками, насчитывавшими десять тысяч всадников, во главе которых были каган Хйели и его племянник Тули-хан. Поступок Цинь-вана говорит о том, что китайскому полководцу не оставалось ничего лучшего, как прибегнуть к довольно рискованному психологическому эффекту. Однако этот эффект оказался хорошо рассчитанным, а речь Цинь-вана, обращенная к тюркским войскам и их предводителям, показывает, что он был прекрасно осведомлен о взаимоотношениях тюркских вождей и не замедлил вбить клин между Хйели-каганом и его племянником Тули, что и привело к временному отходу тюркских войск.

Этот эпизод свидетельствует не только о тяжелом положении Китая в то время, но и о том, что в этот период уже определилась основная линия

³⁵ Некоторые участники обсуждения нашего доклада об археологических работах ТКЭАН в 1957 г., прочитанного 11 марта 1958 г. на Пленуме Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР, высказали предположение, что зеркало никогда не было в употреблении, а хранилось как предмет особой ценности, поэтому и было положено новым в погребение. С этим никак нельзя согласиться; зеркало явно было некоторое время в употреблении; об этом свидетельствует хотя бы завязка на зеркале и строение узлов завязки — напомним, что они сделаны так, чтобы шелк, когда в завязку продевалась рука, не скользил. Судя по тому, что оба узла сошлись вплотную друг с другом, руку продевали в завязку неоднократно, следовательно, в зеркало смотрелись.

³⁶ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений...*, т. I, стр. 247—249.

политики Цинь-вана в отношении центральноазиатских тюрков. Дальновидный Цинь-ван именно тогда и приступил к осуществлению широкой программы, направленной на то, чтобы надолго обезопасить Китай от опустошительных набегов центральноазиатских тюрков. Эта программа предусматривала не только необходимость сломить тюрков-тугю с помощью военной силы. Не менее важное место в ней занимала политика взрыва каганата изнутри путем использования противоречий между представителями знати, привлечения их под эгиду танского Китая с помощью подкупа многочисленными дарами. Сам Цинь-ван (Тай-цзун) в беседе с савновником Сяо Юем так сформулировал эту свою программу: «... Тукюесцы многочисленны, но у них нет порядка. И государь (каган.— А. Г.), и чины только смотрят на выгоды... Я недавно вступил на престол, и для государства спокойствие и тишина еще необходимы. Начав войну с неприятелем, мы много потеряли бы убитыми и ранеными. Неприятель был бы разбит, но не побежден, и еслиб страх обратил их к порядку и поселил ненависть к нам, тогда могли бы мы противустать ему? Ныне, положив оружие и свернув латы, если польстим неприятелю дорогами и вещами и шелковыми тканями, то они не преминут возгордиться, а высокомерие поведет их к погибели; и посему говорится, желая взять, непременно отдашь»³⁷. Политика Цинь-вана предусматривала не только военно-политический разгром центральноазиатских тюрков-тугю, но и основы управления в будущем территориями, которые должны были подпасть под протекторат танского Китая. Основой этой политики явился принцип: «С помощью варваров управлять варварами»; во главе отдельных территорий должны были встать все те же представители тюркской аристократии, но уже с китайскими чиновничьими званиями и строгим подчинением китайской администрации.

Осуществляя свою программу, Цинь-ван (Тай-цзун) в течение трех лет сумел сломить могущество восточнотюркского каганата. Тюркские войска потерпели поражение, Хйели был пленен и доставлен в Китай, а в Центральной Азии вплоть до 80-х годов VII в. установился китайский протекторат. Главной причиной поражения каганата были раздиравшие его внутренние противоречия, умело использованные Цинь-ваном, и предательство представителей тюркской знати.

В свете только что приведенных нами фактов из истории Центральной Азии первой трети VII в. надпись на зеркале из древнетюркского погребения, раскопанного в юго-западной Туве, позволяет выдвинуть предположение, что обладатель зеркала и был одним из тех знатных тюрков, кого Цинь-вану важно было привлечь на сторону Китая, одним из тех, кто за «дорогие вещи и шелковые ткани» обязался верой и правдой служить Цинь-вану. Он был, по-видимому, одним из тех, к кому почти сто лет спустя после рассматриваемых событий были отнесены известные строки памятника в честь Кюль-Тегина — выдающегося деятеля возродившегося тюркского каганата: «У народа табгач (китайцев.— А. Г.), дающего [нам теперь] без ограничения столько золота, серебра, спирта [или: зерна] и шелка, [всегда] была речь сладкая, а драгоценности «мягкие» [т. е. роскошные, изнеживающие]; прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь [т. е. весьма] сильно привлекали к себе далеко [жившие] народы... Дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве»³⁸. И далее: «вследствие «непрямоты» [т. е. неверности кагану] правителей и народа,... вследствие того, что они [табгач] ссорили младших

³⁷ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений..., т. I, стр. 253 сл. (Разрядка моя.— А. Г.). Политическая программа Цинь-вана — Тай-цзуна тем более интересна, что по своему происхождению он был полутюрком (по линии матери).

³⁸ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности (Тексты и исследования), М.—Л., 1951, стр. 34.

братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей,— тюркский народ привел в расстройство свой [до того времени] существовавший племенной союз...»³⁹.

Любопытен один оттенок, выступающий при историческом анализе текста на зеркале из Монгун-Тайги — китайская ориентация того, кому оно было подарено, предстает как уже совершившийся к моменту подарка факт. Если наши предположения верны и зеркало действительно было подарено знатному тюрку из Монгун-Тайги еще до 627 г., то его можно рассматривать как своего рода инвестицию, выданную до разгрома каганата в 630 г. и установления власти Китая. Если приведенные выше положения правильны, то весь памятник является как бы «вещественным» выражением политики Цинь-вана, а зеркало — одним из многочисленных его подарков, попавших в руки представителя тюркской аристократии. Отметим, что если дело обстояло так, то зеркало было подарено скорее всего в промежутке между 624 и 627 г., т. е. тогда, когда начала осуществляться рассмотренная выше политическая линия Цинь-вана. В 624 г. им были сделаны первые шаги в этом направлении, а в 627 г. Цинь-ван, став императором, по обычаю утратил свое прежнее имя.

Нам остается коснуться еще одного вопроса: чем объяснить сравнительно скромные размеры раскопанного погребального сооружения? Не исключена возможность, что у производивших похороны могли быть серьезные основания к тому, чтобы курган не слишком выделялся среди других могильных комплексов долины р. Каргы. Дробление военно-административной организации первого тюркского каганата не могло произойти без ожесточенной борьбы не только между отдельными тюркскими этническими объединениями, но и внутри родовых групп. Процесс установления китайского протектората сопровождался наступлением полнейшей анархии: силы и устремления будуна («черного народа») распавшейся на время кочевой империи были теперь направлены не в привычное русло грабительских походов против Китая, а в ряде случаев и против своих же владетелей, сменивших привычные звания на пышные китайские титулы. Надо также иметь в виду, что степень богатства того или иного погребения должна определяться особо для разных районов. Что касается района Монгун-Тайги, то курган знатного тюрка резко отличается от других погребений рядовых тюркских кочевников, и можно с уверенностью говорить о том, что погребенный под ним человек обладал гораздо более значительным достатком по сравнению со своими соплеменниками.

Попытку установления локальной группы древних тюрков, к которой относился погребенный, отнюдь не следует считать бесперспективной, хотя в настоящее время такая попытка была бы, как мне кажется, несколько преждевременной. Есть все основания рассчитывать, что будущие комплексные исследования в горах Монгун-Тайги и в других районах Тувы и северо-западной Монголии, основанные на изучении археологических, этнографических, антропологических и нарративных источников и направленные на установление этногеографии древних тюркских племен, позволят оживить многие мертвые ныне этнонимы древнетюркских этнических групп и тогда, быть может, будет разгадано и происхождение обитавшего в Монгун-Тайге племени, к которому принадлежал обладатель драгоценного подарка — зеркала с именем Цинь-вана.

³⁹ С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 36 сл. Обобщающий исторический анализ событий см.: С. П. Толстов, Тирания Аброя (Из истории классовой борьбы в Согдиане и Тюркском каганате во второй половине VI в. н. э.), «Исторические записки», т. 3, 1938, стр. 20—22; его же, Древний Хорезм (Опыт историко-археологического исследования), М., 1948, стр. 256, 267 сл.; Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, стр. 83 сл.; А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков (Восточнотюркский каганат и кыргызы), М.—Л., 1946, стр. 36 сл.